

Сухинин, Афанасий Евстафиевич

Россия, Москва

Апрель 2008 г.

Дорогие немецкие друзья!

Получил от вас гуманитарную помощь и письмо, в котором вы просите написать о времени, проведённом в плену, о жизни после войны и теперь. Вспоминать про плен малоприятно, но может вызвать интерес, как выживание в экстремальных условиях.

Само по себе получение помощи, собранной от граждан и немецких солдат – это чудо (Wunder). В войну, на фронте, на передовой (vorderste Linie) мы могли видеть один другого только через прицел (ein anderen nur durch Visier).

Под Сталинградом в конце сентября 1942 г. я был несколько раз ранен, и затем взят в плен и перенаправлен на хутор Вертячий на Дону. Здесь за колючей проволокой было десятка два раненных. Кормили раз в день, давали с пол-литра мутной жижи, на дне - щепотка (Prise) горелых зёрен из сожжённых зернохранилищ. Из-за ранения в верхнюю челюсть у меня не открывался рот, каждое зерно я помещал в завиток булавки (Sicherheitsnadel), проталкивал себе в рот и перетирал языком.

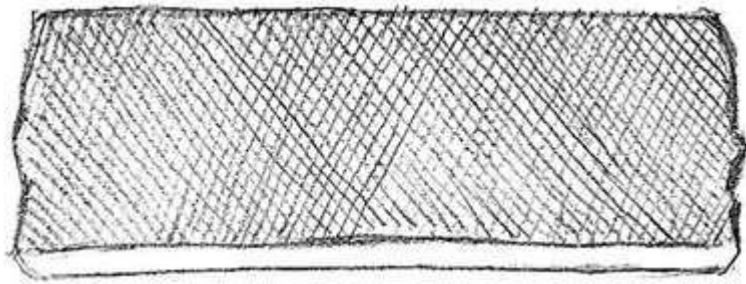
Позже нас переместили в город Калач. Тут, за колючей оградой, был лагерь для раненных пленных, они лежали на голой земле и кто не умер от ран, тех косил ТИФ. Поэтому немцы сюда не показывались. Умерших наши санитары складывали в штабель (Stapel). Кормили раз в день той же жижей со щепоткой горелых зёрен на дне. Между лежачими ходили тёмнолицые типы и предлагали за эту похлёбку кусочки копчёного мяса. Я уж собрался променять свою похлёбку, но сосед мимикой остановил меня. А когда типы ушли, он прошептал, что это мясо они вырезают из трупов.

Скоро грузовиками нас отвезли на станцию Нижнечирская, погрузили в товарные вагоны по 40 раненных, не дав ни пищи, ни воды. Люди умирали от ТИФа. С остывших трупов расплозились вши. Чтобы не заразиться самим, стали трупы выбрасывать в окно. Вагоны открыли только через пять дней, дали похлёбку. Немцы, увидев, что нас осталось мало, стали кричать, срывать повязки, решили видно, что другие сбежали. Окна заколотили. Ещё через двое суток привезли в город Смела на Украине. Оказалось, что из 40 человек в вагоне выжило только шесть. В этот лагерь свозили раненных на рассчитанную гибель. Зимой помещения никак не отапливались, согревались только теплом наших тел. Спали на голых досках, ничем не укрытые: всякую одежду, обувь отбирали, оставляли только нижнее бельё. Спали «клубочком» (sich knäueln), просунув руки в ворот рубахи ладонями под мышки (unter den Armen), прижав коленки к подбородку – так лучше сохраняется тепло. Кормили так, что этого не хватало даже для поддержания жизни. Я старался даже не двигаться без надобности, не разговаривать. Мне было 19 лет. Люди медленно «доходили» и умирали от истощения. Я несколько раз «доходил», видел приближение своего конца, но находил выход к спасению. Вот один из них.

Простыми средствами (einfachheit Mittel) вроде солдатского огнива (zum Feuerschlagen aus feuerstein, durch Bruchstück Platt Feile) при помощи обломка плоского напильника стал мастерить перстни из бронзовых монеток с надписями, гравированными иглой. Первый такой перстенёк с надписями: «Афоня», «Сделал в немецком плену 43 г.», – сохранился у меня до сих пор. Я его пронёс через все обыски и лагеря, вшив под пуговицу штанов. Этот первый перстенёк увидел старый немец – комендант нашего блока (Häuserblock). Он принёс мне серебряную 15-копеечную монету размером около 19 мм в диаметре (первые советские монеты были из серебра) и попросил сделать такой же перстенёк с надписью «Robert». Как это делалось? Если сначала ребром обломка плоского напильника (platte Feile) (см. рисунок) колотить по краю монетки, то по окружности образуется что-то похожее на «обручальное» кольцо. Затем вырубить зубильцем (Meißelchen) середину (как показано на рисунке). После этого надо надеть это изделие на толстый гвоздь или на что-нибудь толще, например болт (Bolzen), и колотить по краю монетки, тогда образуется площадка для надписи. Продолжая колотить «обручальное» кольцо, его можно растянуть до нужного размера. Риски от напильника я стачивал кусочком кирпичика, далее шла обработка на дощечке, посыпанной кирпичной пудрой, завершался процесс полировкой на своей ладони, запачканной штукатуркой. Зубильце делалось из гвоздика с расплющённым концом, заточенным этим же обломком от напильника.

Комендант за перстенёк «Robert» ничего мне не дал, но пошла слава: «Аж, самому немцу понравилось!» За эти поделки санитары, полицаи давали мне картофельные очистки, из которых с помощью простого приспособления я отделял мякоть от кожицы: если в дне консервной банки пробить гвоздём отверстия, и этой банкой толочь сваренные очистки, то мякоть продавливается в банку, а кожицы слипаются на дне посуды, в которой варились очистки.

За очистками надо было ходить на кухню. Мне их давали горсть, из которой мякоти получалось по объёму с небольшую картошку. Но оказалось, что такой малости было достаточно, чтобы поддерживать жизнь, не «доходить» до гибели. Умерших на ночь в помещении не оставляли, выносили наружу и укладывали перед окнами. Ночью крысы обгрызали у них пальцы, носы, уши. Когда наступили холода, а после выпал снег, ходить на кухню за очистками босиком было «неприлично». Я сделал ловушку, наловил крыс, и из их шкурок сшил себе тапочки.

Через 8 месяцев в мае 1943 г. с незажившими ещё ранами был назначен к отправке. Нас тщательно обыскивали, раздевая догола. А у меня была ценность – обломок пилки по металлу (полицай дал за перстень) с одной стороны – пилка, с другой – заточена как ножичек. Как пронести? Сделал под своей пяткой два надреза, отслоил кожу и заправил под неё пилку.

Нас привезли сначала в Польшу, а летом в Германию. Был в лагерях, где пленные работали в сельском хозяйстве. В одном из лагерей меня поставили чинить лагерную мебель. В конце 1943 г. я обязал сам себя каждый день рисовать.

На досуге стал делать чемоданы для конвоиров (Begleitsoldaten). За чемодан солдаты мне давали хлеба, кто четверть, кто полбулки. Последнему часовому (Wachsoldat) сделал чемодан с блестящими уголками, с замочками и другими украшениями из жести. Другие захотели, чтобы их чемоданы, уже сделанные мной ранее, были также украшены.

По воскресеньям в лагерь приходили частники (Privatleute), кому нужен был какой-нибудь специалист. Так меня брали то чинить швейные машинки, то часы, до делать колодки (Leisten) для обуви. Однажды меня и ещё троих взяли на запасной аэродром разбирать каменные стенки выхода из здания на лётное поле. Там после ремонта и побелки на этих стенках проявились неровности. Я предложил не ломать стенки, а нарисовать на них что-нибудь и этим скрыть дефекты.

На правой стенке я нарисовал Latrine в виде танцующей девушки с надписью «Перед вылетом не забудь меня». На левой – пышнотелую деву. Теперь бы её назвали «секс-бомба». Но тогда слово «секс» было не в ходу. Подписал “Brandbombe”.

Весной 1944 г. на Берлин были ночные налёты англичан, дневные американцев. В то время я был в лагере в Берлине, видел налёт двух тысяч бомбовозов. Летели они группами машин по 30 в каждой. Видел, как дома под бомбами превращались в груды кирпичей. Нас тут же вывели из лагеря разбирать порушенные дома и спасти уцелевших жителей. Наши Begleitsoldaten подходили к такой куче кирпичей, стучали палкой, громко крича: «Есть кто живой!? Постучите (klopfen)!» Когда слышали ответный стук, мы разбирали камни, находили окна в подвал (Kellerfenster), спускались в эти окна и извлекали уцелевших жителей. Часто они были с переломами ног, рук. Работы продолжались и ночью. Затем разбирали развалины, в которых не было живых, там были раздавленные, задохнувшиеся от дыма. Позже извлекали разложившиеся трупы. Begleitsoldaten были в газмасках, в перчатках – для нас это было не предусмотрено.

Когда началось стремительное наступление Красной армии на Берлин, я был в лагере Гроссглинике (Gross Glienicke) к западу от Берлина. Лагерь срочно эвакуировали. К вечеру колонной вошли в город Науэн (Nauen), остановились, а рядом сплошным потоком шли беженцы, среди них была колонна французских пленных без охраны. Выждав момент, когда конвоир отвлёкся, я и ещё четверо перешагнули в колонну французов и, чтобы нас не выдали, я забормотал (stammeln) по-итальянски: Signori! Quando Guerra finito (Сеньоры! Когда война кончится), non oggi-domani (не сегодня-завтра) al ritorno a casa (по возвращении домой) forte lavatore, signorina balare (много работать, танцевать с девушками). На окраине Науэна мы затаились (versteckten uns) в каком-то сарае.

А утром через город промчались наши танки с пехотой на броне, чтобы замкнуть Берлин в кольцо. Художник танковой части взял меня к себе рисовать портреты героев.

Конец войны застал наши части: кого в поле, кого в лесу, кого в деревне. Был приказ: всем располагаться в городе на зимние квартиры. Каждая часть своё расположение всячески украшала: лозунгами, плакатами, панно, портретами. Мне в помощники брали на бирже немцев (у них была безработица). Они писали лозунги, шрифт брали из наших газет.

Однажды немцы говорят:

– Нужен столяр, чтобы сколотить подрамники для лозунгов.

– Сами сколотите, вот пила, вот рейки, – говорю им.

– Нет, – отвечают, – это работа столяра или плотника.

Тогда я им рассказал анекдот: немец умер от голода, а у него в рюкзаке – булка хлеба, не было ножа, чтобы отрезать. Я думал, ну, сейчас обидятся, а они все хором хохочут и говорят:

– Ты вчера принёс нам огромную буханку хлеба и большой кусок сала. Но у нас не было ножа, чтобы отрезать сало. Мы, в отличие от того немца, буханку разломали на куски и съели в сухомятку, а сало унесли домой.

Там же в комнату, где я жил, пришёл пожилой немец, держа башмак в руках, и говорит:

– Это ты художник?»

– Да, – говорю, – это я.

– Вот тут оторвалась подмётка, подбейте, пожалуйста (besohlen Sie bitte).

– Простите, – говорю, – я плохо понимаю немецкий, но вижу, что вам нужен сапожник, а я художник.

– А где, – говорит, – я возьму сапожника, всех война взяла.

– Ну, говорю, сам попытайся сделать. Я же не сапожник, я художник.

Немец пошёл назад, но на пороге повернулся и сказал:

– Художник, художник! Der Künstler alles kann (художник всё умеет)!

– Стой, – говорю, – давай свой башмак.

И прибил ему подмётку.

Летом 1945 г. нашу армию стали сокращать. В первую очередь отправляли домой стариков и покалеченных. Меня также признали не годным к службе: у меня были ещё со Сталинграда не зажившие раны. Командование стало просить меня остаться, сделать проект памятника погибшим. Я не соглашался, настроился ехать.

– А мы тебе дадим самый лучший трофейный автомобиль. Представь, как ты заявишься домой на такой машине, все невесты твои.

– Да, у меня и дома-то нет, да и куда я с таким лицом!

Лицо у меня от ранений было обезображено шрамами и толстыми рубцами. Повели к главврачу, он, осмотрев, сказал, что всё можно поправить, что теперь даже новые носы пришивают обгоревшим. На том и согласились: я придумаю памятник, и меня отправят в Москву на пластическую операцию. Памятник, по заданным из центра условиям, должен был быть представлен солдатом с винтовкой в одной руке и знаменем в другой.

Долго я мучился, пробуя и так и эдак, срисовывая в зеркале своё отражение. Ну ни как не komponуются винтовка и знамя. Но если вместо винтовки взять автомат, перекинутый через плечо... И вдруг, всё пошло! Вот он – памятник! Начальство довольно.

И вот в февраль 1946 г. меня отправили в Москву в хороший госпиталь. Здесь было что рисовать: вот танкист весь в рубцах, вот лётчик обожженный. А главврачу к его юбилею написал красивый поздравительный адрес (Glückwunschsreiben) с его портретом. Сделал, как будто напечатано. Медик оценил это и решил сам меня оперировать. И стало у меня лицо как лицо: с таким не стыдно и к девушке подойти. А тем временем, рисунки мои увидела жена известного кинорежиссёра, она также лежала в этом госпитале и показала мои рисунки мужу. Тот заинтересовался и познакомил меня с известными художниками, а те отрекомендовали меня в студию военных художников. А в студии и в общежитии другие художники, уже известные мастера, обучали меня тонкостям живописи.

И вот минуло менее г.. В 1947 году я поступил в художественный институт и в 1953 году окончил его на «отлично».

Я здесь не буду описывать, как было после института, как моя жена, когда была ещё школьницей, переписывалась с девочкой из ГДР, а потом и наша дочка стала обмениваться письмами с немецкой семьёй. Мы эту семью пригласили в Москву, а они нас в Берлин, они же нас подружили с родными из ФРГ.

В нашей семье все умеют говорить по-немецки. Правда, старший сын изучал в школе и институте английский и переписывается (на английском) с немецким парнем, живущим на берегу Bodensee. Младший сын посещал 4 г. курсы немецкого языка – говорит, как немец. Мы переписываемся по семи адресам по всей Германии и бываем друг у друга в гостях. Когда мы едем в Германию, то везём в подарок мои картины. Мы были в Германии несколько раз, поэтому там в каждой семье наших друзей по несколько моих работ. В Кёльне сосед наших друзей по имени Reinhold Bardenheier был в русском плену. Он написал и подарил мне книгу “Für dich blüht nur der Löwenzahn”. Он удивился, как это я выжил в немецком плену. В русском плену они жили в таких же условиях, как и русские, и кормили их так же, как и русских. И никто там не умер, все здоровыми вернулись домой.

Что неожиданно поразило в Германии – это отсутствие тесноты. У каждой семьи свой дом в два этажа mit Keller, почти у всех – дворик, Paradis с зелёной полянкой и маленьким бассейном.

В 1992 году Гельмут Коль посетил впервые Москву. Я сделал и подарил ему его портрет маслом, где на фоне канцлера изобразил раскалённый стальной узел (Knoten), а внизу написал: «Einem Deutsch, der ohne Schuß, ohne Ferlusten Moskau erobern hat». Портрет Гельмуту Колю понравился, он прислал мне письмо с благодарностью.

С уважением,

Афанасий Сухинин